

СИМПОЗИУМ

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович,

доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: kuznetsov.2012@mail.ru

ИЛЬИН Михаил Васильевич,

доктор полит. наук, профессор-исследователь НИУ «Высшая школа экономики», руководитель Центра перспективных методологий исследований социально-гуманитарных наук ИНИОН РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ (г. Москва).

Электронная почта: milyin@hse.ru

КИРЕЕВ Антон Александрович,

канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: antalkir@yandex.ru

КОЗИНЕЦ Андрей Игоревич,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта:

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич,

канд. филос. наук, доцент департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток)

Электронная почта: kononchuk.dv@dvfu.ru

КРЕСТИНИНА Анастасия Михайловна,

студент бакалавриата по направлению подготовки «Международные отношения» Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: greinjer.stasya@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна,

доктор полит. наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО (У) МИД РФ (г. Москва).

Электронная почта: mmlebedeva@gmail.com

ЛУКИН Артём Леонидович,

канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: artlukin@mail.ru

МАЛЯВИН Владимир Вячеславович,

доктор ист. наук, профессор-исследователь департамента зарубежного регионоведения НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва).

Электронная почта: vmalyavin@hse.ru

ПОПОВКИН Андрей Владимирович,

канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН (г. Владивосток).

Электронная почта: andrey.popovkin@gmail.com

ЦЫГАНКОВ Павел Афанасьевич,

доктор филос. наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Электронная почта: probor@bk.ru

ЯЧИН Сергей Евгеньевич,

доктор филос. наук, профессор департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ (г. Владивосток).

Электронная почта: yachin.se@dvfu.ru

Что такое пост/полидисциплинарная теория международных отношений?

УДК 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

Текст подготовлен к публикации В. И. Воложаком.

22 октября 2020 г. кафедра международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований (ВИ-ШРМИ) Дальневосточного федерального университета провела открытый онлайн-семинар «Что такое постдисциплинарная теория международных отношений?». Семинар, в котором приняли ряд ведущих российских политологов и международных экспертов, был посвящён теоретическому осмыслению современных международных отношений и путям дальнейшего развития теории международных отношений.

С основным докладом на семинаре выступил профессор кафедры международных отношений ВИ-ШРМИ ДВФУ А. М. Кузнецов, после чего состоялась дискуссия.

А. М. Кузнецов: Мой доклад подготовлен в ходе работы над монографией о современном состоянии и перспективах развития теории международных отношений (ТМО). Поэтому в первой части проделан обзор основных направлений и проблем ТМО. Поскольку эта тема уже достаточно хорошо освещена в литературе, в том числе и на русском языке (Т. А. Алексеева, В. Н. Кобышев, А. А. Сергунин, П. А. Цыганков), то основной акцент сделан на констатации сильного влияния позитивизма в ТМО (американские школы), отказе от больших теорий, поощрении теоретического плюрализма, развитии аналитического эклектизма и признания в полной дискредитации теории [1, 2, 7, 10, 14]. Особое внимание было уделено Английской школе международных отношений, слабо изученной в отечественной литературе. Наряду со своим вниманием к разработке проблемы международного общества эта школа представляет интерес, поскольку признаёт отличия, которые существуют в подходах европейских и американских специалистов к международным отношениям. Не менее показателен проявившийся в последнее время скептицизм европейцев к количеству «великих дебатов» (три или четыре) и их значению для развития ТМО (О. Вэвер, Д. Лейк, Л. Эшворт) [13, 14]. Важно было также оценить появившиеся российские разработки по ТМО (Т. А. Алексеева, А. Д. Богатуров, М. М. Лебедева, П. А. Цыганков, А. П. Цыганков), которые приносят своё видение проблем ТМО. Нельзя было обойти вниманием и такое противоречиво воспринимаемое явление, как незападные ТМО, прежде всего наиболее разработанный китайский их вариант (Цинь Ячин, Чжао Тинян, Ян Сюэту) [6, 16].

Как представляется, рост числа различных школ и теорий МО отражает несколько обстоятельств, связанных со сложной природой МО и достаточно поздним возникновением

Для цитирования:

Кузнецов А. М., Ильин М. В., Киреев А. А., Козинец А. И., Конончук Д. В., Крестинина А. М., Лебедева М. М., Лукин А. Л., Малявин В. В., Поповкин А. В., Цыганков П. А., Ячин С. Е. Что такое пост/полидисциплинарная теория международных отношений? // Известия Восточного института. 2021. № 1. С. 49–68. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

научных их исследований. Резкое увеличение количества государств после окончания Второй Мировой войны и в последующее время, умножающееся количество разных новых акторов МО, интенсификация различных связей в сфере МО, а также общее усложнение мира обусловили новые вызовы для всей науки, включая и МО. Между тем затянувшиеся дискуссии о научности в МО – основное содержание «великих дебатов» – отражают незавершённость становления этой науки и её теоретическое отставание от других социальных и гуманитарных наук, той же антропологии, социологии и других. Отсюда и вывод о том, что МО могут заимствовать достижения других наук, но сами пока не могут предложить им что-нибудь. Обращает также внимание, что придавая своим каноническим теориям, реализму и либерализму/идеализму, парадигмальный статус (например, О. Вэвер), сами международники не обсуждают глубоко общие проблемы и критерии теории, не говоря уже о парадигме. Кризисные обстоятельства ещё более усугубились после «информационного взрыва» и постмодернистского вызова, заявивших о себе с конца 1960-х гг. [12, 17]. Поэтому не случайно, что специалисты-международники не смогли дать адекватных ответов на современные вызовы, предпочитая обсуждать «чёрных лебедей» и призывая сначала зафиксировать происходящие перемены, чтобы потом уже их как-нибудь осмысливать. Правда, учитывая темпы происходящих перемен, возникает подозрение, что этот процесс фиксации станет непрерывным и не оставит времени для каких-то размышлений. Как представляется, основная причина сложившегося кризисного состояния ТМО обусловлена длительной закрытостью науки о МО от остальных сфер науки. Поэтому призыв к международникам выйти из своей «башни слоновой кости» представляется очень своевременным. Выход из собственной «самодостаточности» в реальное поле «полидисциплинарности» является в настоящий момент основным условием преодоления затянувшегося кризиса ТМО, фиксируемого на основных этапах её развития.

Обращение к современным общенаучным достижениям в теоретико-методологической сфере позволяет констатировать несколько значимых моментов и достижений, связанных с осознанием вызова **сложности** и возможностями **системной парадигмы** в выработке адекватного на него ответа.

Как известно, в ТМО есть свои системные разработки известные по работам М. Каплана, К. Уолца, Х. Булла, Б. Бузана, В. И. Гантмана, А. Д. Богатурова [5, 9, 18]. Однако проведенный анализ по сопоставлению современных вариантов теорий сложных систем (У. Матурано, Ф. Варела, Н. Луман) и системных теорий международных отношений позволил установить ряд серьёзных недостатков у последних [15]. Они проявляются с заявления К. Уолца о том, что основные положения классической системной парадигмы не соответствуют международным отношениям [18]. Общим недостатком системных разработок международников является непоследовательность или полное пренебрежение структурным анализом. Распространены также игнорирование роли внешней среды в функционировании систем и упрощенные представления об их организации. А уж такой «изыск», как обсуждение проблемы системного самовоспроизводства, вообще не стоит в исследовательской повестке «настоящих международников». Поэтому овладение арсеналом современной системной парадигмы и теорией сложных систем, несмотря на то что они вынуждают сде-

лать крамольный вывод – **никакой системы международных отношений нет и никогда не существовало**, – является необходимым условием нормализации положения в ТМО. Тогда станет понятным различие: в государстве мы имеем порядок, а в МО – анархию, и можно будет завершить схоластические дискуссии на тему: агент или структура. Сделать это надо ещё и потому, что в рамках методологии анализа сложных систем обосновано важное значение процедуры **наблюдения** и фигуры **наблюдателя** [3]. В принципе, имплицитно к тому же самому призывали и теоретики постмодернизма, не до конца понимая значение своего же вызова. Точно также следует рассматривать и призывы к плюрализму теорий МО. Поэтому принципиальным недостатком большинства попыток по внедрению системных идей в социально-гуманитарные науки явилось игнорирование в них роли человека. Между тем именно **человек создаёт и поддерживает те же международные отношения**. Но теперь такой вывод делает необходимым включение в совершенно новое исследовательское поле – **антропологию** (как науку о человеке и его реальных свойствах) **для международных отношений** [4].

Очень показательно, что О. Вэвер свёл развитие американской ТМО к трём основным фигурам: Г. Моргентау, Р. Кохейну и А. Вендту. Но как тогда быть с тем фактом, что признанный лидер конструктивистского направления ТМО Вендт сделал в 2015 г. неожиданный «финт» с «Квантовым мозгом»? Можно утверждать, что, с одной стороны, это издание продемонстрировало разочарование «классика» в конструктивистских играх, приведших его в 2004 г. к выводу: «Государства – тоже люди». Теперь же А. Вендт предложил рассматривать человека как волновую квантовую функцию [19]. С другой стороны, этот разворот автора можно рассматривать и как ещё одну проблемную попытку подвести под ТМО научную, т. е. позитивистскую основу, поскольку достижения квантовой физики всеми признаны, а кванты есть везде – и в мозге человека. И это не единственный пример **примитивной антропологизации/антропоморфизации** в науке о МО. ещё Г. Моргентау полагал, что международные отношения основываются на законах, которые заложены в природе человека. Либералы же постоянно повторяют мантру о том, что каждый человек стремится максимизировать свою выгоду и минимизировать затраты. Не менее показательны и английские «трюки» с идеей **международного общества** в основе которого должна быть по-настоящему **космополитизированная западная культура**, а всё остальное должно быть абсорбировано. Но всё это очень далеко от собственно научной антропологии, которая, как показал Э. Я. Баталов, должна показать, как человек влияет на МО и как МО, в свою очередь, влияют на человека [4].

В первую очередь, говоря о научном представлении этого нового научного направления, следует расстаться с универсалистскими иллюзиями о человеке, которые заражены западоцентризмом. Уже угроза этносепартизма и появление таких международных акторов, как Организация непризнанных (непредставленных) народов (ОНН), заставляет нас обратиться к проблеме этнического многообразия человечества. Если иметь в виду, что современный мир – это примерно 200 государств, но 5–7 тысяч разных этнических объединений, то можно понять опасение китайского автора: «Самоопределение может стать

проклятием XXI века». Что будет представлять международный порядок, если у нас будет 500, 1000 или 2000 государств? Но для того, чтобы компетентно работать с этой проблемой, нам необходимо владеть теорией этноса, прежде всего, в варианте С. М. Широкогорова. Наряду с владением корректной системной методологией, эта теория включает в себя концепцию психоментального комплекса как основного достоинства этнической общности [8]. Значение идей С. М. Широкогорова становится понятным в контексте развития современных нейро- и когнитивных наук.

Попытки игнорирования человека и спекуляций о его свойствах определили неудачу когнитивного и культурного поворота в ТМО. В своё время очень популярные теории постколониализма и ориентализма (Э. Саид) смогли только зафиксировать этот факт разного восприятия реальности представителями разных обществ. Теория Широкогорова и данные нейронауки позволяют достоверно обосновать этот феномен. В этом контексте реальность и необходимость той же российской, китайской и других национальных теорий МО – не прихоть, а насущная необходимость для создания подлинно глобальной ТМО, о которой так печется А. Ачария [11].

Таким образом, можно утверждать, что кризис ТМО на современном этапе её развития обусловлен ограниченностью базовых концептуальных оснований. Для преодоления этого кризиса пост/полидисциплинарная ТМО должна воспринять теорию и методологию анализа сложных общественно-политических систем. Для имплементации в свой арсенал фигуры наблюдателя и решения других проблем необходимо разрабатывать направление «Антропология международных отношений». В таком обновлённом варианте ТМО сможет серьёзно поднять свой эвристический потенциал и не даст повода для высокомерных сентенций о бесполезности теории. Проблема же здесь в том, что теория сложности сама по себе является очень непростым интеллектуальным вызовом, далеко не всем доступным, но те, кто может это делать – должны этим заниматься. Свой доклад я рассматриваю как вклад в развитие российской ТМО.

Д. В. Конончук: Анатолий Михайлович, большое спасибо за, как всегда, замечательное и яркое выступление. Было понятно всё, кроме одного: в чём состоит ваш центральный тезис? То есть, что вы пытаетесь доказать, защитить?

А. М. Кузнецов: Защищать особо не получается, а обосновать я хочу тот тезис, что потому мы имеем такое кризисное состояние в теории международных отношений, что её пытались строить на узких дисциплинарных основаниях, в лучшем случае – с привлечением данных других наук. А сегодня нам нужно использовать более мощный теоретико-методологический потенциал, связанный с теориями сложных систем и дополненный антропологией. На мой взгляд, именно эти два компонента позволят нам создать действительно полноценную теорию международных отношений.

А. Л. Лукин: Анатолий Михайлович, а что такое международные отношения, по-вашему? Прежде чем создавать теорию международных отношений, наверное, стоит определить, что такое международные отношения, потому что на этот счёт тоже много разных точек зрения. Как человек, преподающий «Основы международных отношений»

первокурсникам, я это знаю как никто другой... Международные отношения можно определять десятками разных способов – либо это отношения между государствами, либо не только между государствами, и т. д. Вы считаете это важным, установить дефиницию международных отношений, или это как-то само собой подразумевается?

А. М. Кузнецов: Да нет, конечно, Артем Леонидович, кстати, спасибо за вопрос, а то я эти моменты в своём докладе упустил, а теперь могу их озвучить. Во-первых, международные отношения – это вся совокупность отношений между государствами. Но, поскольку я в данном случае придерживаюсь системной парадигмы, то для меня очень важно разделение **системы** и **окружающей среды**. Закрытые системы нежизнеспособны, поэтому все системы/государства должны активно взаимодействовать со средой, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Как раз в случае международных отношений возникает парадоксальная ситуация. Я думал, это моя крамола, но оказалось, что ещё в 1980-х гг. Владимир Израилевич Гантман написал, что с точки зрения системной теории для одного **государства средой** выступают **другие государства**. Это уже совершенно новый фокус видения данного явления, который заслуживает серьёзного анализа. В любом случае, международные отношения – это реальная и объективная необходимость, для того чтобы государства, взаимодействуя друг с другом, могли обеспечить себе полноценное существование.

А. Л. Лукин: То есть всё-таки вы фиксируетесь на государствах? Международные отношения – это отношения между государствами? Есть ведь и другое понятие, которое созвучно международным отношениям, и некоторые считают его синонимом – мировая политика. По-вашему, международные отношения и мировая политика – это одно и то же?

А. М. Кузнецов: Прежде всего я хочу сказать, что сегодня много разговоров о нетрадиционных акторах и т. д., я же исхожу из тех критериев и требований к системности, которые я озвучил. Поэтому я вполне отчётливо понимаю, что, за исключением отдельных примеров, полноценными системными акторами являются государства. А когда речь идёт о чём-то другом, то не факт, что мы имеем дело с системой. И поэтому мой посыл заключается в том, что система международных отношений не существовала и пока ещё не существует. Были некоторые приближения к системности, вроде того же биполярного миропорядка, но мы видим, что случилось с ним и что происходит сегодня. Поэтому нестабильность – это характерное свойство международных отношений. Неслучайно британские авторы пишут, что в государстве мы имеем порядок, а когда мы выходим за его рамки, в международную сферу – получаем анархию. А «анархия, как это мы знаем – мать порядка», отсюда это устойчивое выражение «система международных отношений». Что касается «мировой политики», то международные отношения могут принимать разнообразные формы, и я солидарен с теми авторами, которые говорят, что мировая политика – составная, хотя и очень важная, часть, которую не эвристично выделять в международных отношениях как таковых.

А. В. Поповкин: Анатолий Михайлович, вы сказали, что акторами международных отношений являются государства. А как быть с политиками? Политиками как конкретными людьми. Считаете ли вы их тоже акторами международных отношений или вы их каким-то об-

разом выносите за скобки?

А. М. Кузнецов: На мой взгляд, в рамках системного подхода государство – это бесспорный пример сложной системы, в которой есть разные уровни. На одном уровне актором выступает государство, на другом – лидер государства тоже может рассматриваться как актор. Но в любом случае он будет **компонентом единой системы, и важно не терять эту взаимосвязь.**

С. Е. Ячин: Анатолий Михайлович, в ваших тезисах было очень ясно прописано, что теория международных отношений находится в кризисном состоянии. Но если это понимать просто как отсутствие системного подхода, то для меня это слишком абстрактно. Я привык понимать теорию как то, что может адекватно описать некоторые явления и предсказать, что с ними произойдет при наличии некоторых эффектов. Здесь можно эмпирически фиксировать, что теория международных отношений находится в кризисе, поскольку она не может этого сделать. Мне представляется, что сложность современных процессов не соответствует одномерному, плоскому подходу теоретиков. Возьмём такой пример: Олимпийские игры или Евровидение. Это международные отношения? Если это международные отношения, то какая должна быть логика анализа такого рода явлений?

А. М. Кузнецов: Безусловно, это международные отношения. У них, как мы ясно видим сегодня, такая же логика, как и у любых других явлений МО. Институты, тот же Международный олимпийский комитет – это, на мой взгляд, квазисистемные образования. Они могут обеспечить самовоспроизводство без поддержки извне? Вы правы в главном: сегодня ТМО не в состоянии объяснять реальный мир и что в нём происходит, ставка на плюрализм и многоголосие здесь только усложняет ситуацию. Как раз одна из причин сложившейся ситуации – игнорирование современного варианта теорий социально-политических систем.

С. Е. Ячин: Согласны ли вы с тем, что спортивные состязания или культурные мероприятия (кстати, у Нейсбита они входят в мегатренды) являются также важным элементом международных отношений?

А. М. Кузнецов: Учитывая высокую степень их политизированности сегодня – бесспорно, по поводу определения таких мероприятий как трендов – это ещё надо обосновывать.

А. А. Киреев: Анатолий Михайлович, что вы имеете в виду под постдисциплинарностью? Какое содержание имеет у вас это понятие, и чем оно отличается от междисциплинарности?

А. М. Кузнецов: На мой взгляд, междисциплинарность – это предложение сесть между двух стульев. А постдисциплинарность, точнее полидисциплинарность означает, что мы берём более сильную, общенаучную теорию и методологию, затем привлекаем к ним некоторые достижения, которые можно найти в других дисциплинах при условии, что они соответствуют состоянию предметного поля наших исследований и нашим задачам. Таким образом, можно создать теоретическую основу для анализа такого сложного явления, как международные отношения.

А. А. Киреев: А теория международных отношений уже стала самостоятельной дисциплиной? Она может позволить себе сделать следующий шаг? Так сказать, преодолеть свою дисциплинарную природу и выйти в это постдисциплинарное пространство?

А. М. Кузнецов: Это очень интересный вопрос, и я неслучайно говорил об «антитеоретическом консенсусе», а также о том, что сегодня «большие нарративы», мегатеории и прочее не приветствуются, поскольку это все рассматривается как некий субъективный произвол. Поэтому, боюсь, моя идея непопулярна, и я понимаю, на что я могу рассчитывать и какие получить реакции. Тем не менее моя позиция здесь такова: занятия теорией – это самое сложное и ответственное дело, которым надо заниматься целенаправленно, а не по каким-то отдельным поводам. Поэтому, как и теоретическая физика, ТМО должна получить самостоятельный статус исследований. Международные отношения – это сложная, но особая сфера общественно-политической жизни, предмет исследований нашей науки. Но для того, чтобы объяснять, а тем более хоть что-то прогнозировать, нужна как раз полидисциплинарная теория. Поэтому теоретик МО должен быть в курсе современного состояния теории и методологии в разных областях науки и ориентироваться в основных моментах практики МО для верификации своих гипотез и идей. Следовательно, и ТМО должна стать специальной дисциплиной в рамках МО.

А. Л. Лукин: Анатолий Михайлович, понятно, что никто из учёных-международников не создал теорию, которая бы вас полностью или частично удовлетворяла. Но всё-таки, может быть, кто-то к этому идеалу приблизился больше остальных? Вот вы упоминали Уолтца, может, кто-нибудь ещё был или находится на правильном пути?

А. М. Кузнецов: Из того, что я прочитал, в особенности у зарубежных авторов-международников, меня мало что вдохновляет. Я очень рад, что сегодня на семинаре присутствуют те люди, которые во многом помогли и мне войти в теоретическую проблематику, и сами двигаются в тех же направлениях. В частности, Михаил Васильевич Ильин – я понимаю триаду, на которой вы основываетесь, и мне кажется, что мы не противоречим, а наоборот, дополняем друг друга. Огромный вклад в формировании моих взглядов внесли и Павел Афанасьевич Цыганков, и Владимир Вячеславович Малявин. Хотелось бы отметить и последние работы Татьяны Александровны Алексеевой, которая неслучайно стала сотрудничать с физиками. Меня радует, что американские международники пишут даже о зеркальных нейронах, правда, что из этого можно извлечь – остаётся вопросом. Поэтому в большей степени я опираюсь не столько на достижения международников, сколько на того же Никласа Лумана, на У. Матурано, Ф. Варелу и ряд других авторов.

М. М. Лебедева: Анатолий Михайлович, вы говорили, что государства формируют международную систему. Если исходить из государств и того, что мы сейчас наблюдаем некую хаотизацию в системе, то, может быть, что-то неладно с системой? Не считаете ли, что система находится в состоянии хаотизации, в нестабильном состоянии?

А. М. Кузнецов: Мой тезис однозначный – никакой системы международных отношений не существовало и не существует. И нестабильность, легкие переходы от союзничества к враждебности только лишь подтверждают мою точку зрения. Поэтому реалисты в большей степени правы. И Вендт тоже писал, что анархия – это то, что делают государства. Поэтому главный ответственный за состояние МО – государства. Но я не занимался вопросом, насколько те же ТНК являются уже системными образованиями. Если это так, то и они влияют на МО и их состояние.

С. Е. Ячин: Всё-таки худо-бедно, но существуют международные соглашения и международные организации. Не является ли это эмпирическим свидетельством того, что международная система (при всей её хаотичности) реально существует? Представьте себе мир, в котором не было бы всего этого. Это действительно был бы хаос, но мы живём всё-таки в более-менее стабильном мире. Не преувеличиваете ли вы отсутствие международных отношений как некоей реальности?

А. М. Кузнецов: Я был бы рад, если бы была эта стабильность. Но мы слышим постоянные разговоры о кризисе ООН, видим, чего стоят международные соглашения и как они легко рвутся. Важнейший признак системы – это всё же стабильность, причём продолжительная. А в международных отношениях стабильность в лучшем случае длится лет 30–40.

А. А. Киреев: Анатолий Михайлович, я так понимаю, вы отрицаете существование глобальных международных систем. А признаете ли вы реальность национальных политических систем?

А. М. Кузнецов: Да, на мой взгляд, государства, которые уже существуют и доказали свою жизнеспособность, являются как раз системными образованиями. Наблюдаем ли мы что-нибудь подобным образом организованное на глобальном уровне?

А. А. Киреев: Это ваша интуиция, или у вас есть какие-то эмпирические индикаторы? В одном случае вы признаете существование системы, а в другом – нет. Почему?

А. М. Кузнецов: Важный критерий – это способность системы к самовоспроизводству за счёт сложившейся структуры. Если он выполняется, значит можно говорить о системности. А если мы видим кризисы – стоит подумать. А уж про какие эмпирические индикаторы «напряжёметры» можно говорить на системном уровне?

А. А. Киреев: Воспроизводство – это очень абстрактное понятие. Это отнюдь не эмпирический индикатор. Его использование открывает широкое пространство для спекуляций.

А. М. Кузнецов: Если пренебрегать строгостью терминологии, тогда спекуляции возможны. Но если чётко критерий выполнять, то поле для спекуляций, уверяю вас, будет гораздо меньше. Вот здесь было бы полезно философское понимание идентичности (самотождественность), а не то, как сейчас её трактуют.

А. А. Киреев: Понятие воспроизводства может быть операционализовано и измерено?

А. М. Кузнецов: Я не сторонник математических методов... Где-то они работают, и пусть я навлеку на себя много критики, но я согласен с теми авторами, которые считают что математизация в гуманитарных науках – это проявление позитивистского комплекса неполноценности перед естественными науками, которые работают с объектами, не характеризующимися **сознанием**.

А. Л. Лукин: Похоже, эта ваша реплика – в адрес американских коллег, потому что в России математические методы особо не внедрились, ни в политологию, ни в международные отношения. Не знаю, хорошо это или плохо...

А. М. Кузнецов: У нас есть горячие сторонники математизации.

А. Л. Лукин: По-моему, не среди присутствующих...

М. В. Ильин: Почему же, среди присутствующих тоже, и очень много. Могу сослаться на один пример – «Политический атлас современно-

сти», который продемонстрировал возможности нелинейного статистического моделирования.

Мне понравился пафос дискуссии, и тезисы Анатолия Михайловича тоже меня привлекли... Конечно, нам требуется серьёзная теоретико-методологическая саморефлексия, это совершенно бесспорно. Я не готов сейчас подробно выступать по всем пунктам, которые обозначил Анатолий Михайлович, ограничусь буквально двумя-тремя. То, что меня задело – это упоминание хронополитологии (на самом деле это хронополитика). Её придумал не я, и не Вадим Цымбурский, хотя мы её пропагандировали. Это придумал Джордж Модельски, где-то лет за десять до нас, в середине 1980-х гг. Действительно, тут есть основания для того, чтобы иметь какую-то точку опоры, во всяком случае. Можно придумать для этого и другое название, и я его сейчас отстаиваю – эволюционная морфология. Анатолий Михайлович упоминал о трёх трансдисциплинарных органах, которые мы отстаиваем. И вот, морфологический органон (точнее, мы его называем морфический, поскольку органон шире, чем просто частные морфологии) – это один из тех органов, которые помогают под определённым углом зрения смотреть на действительность. Здесь разгорелся нешуточный спор – есть ли система, нет ли системы... Спор, как мне кажется, можно было бы упорядочить вот каким образом. Система чего? Система где? Не может быть системы всего во всём. Такой системы нет – универсальной, всеобъемлющей и всё подчиняющей себе. Ясно, что все то, что мы видим в мире – это какое-то сочетание разных систем, разного масштаба, и в силу того, что они разные, и возникает это ощущение дестабилизации и бессистемности. Слишком много систем, слишком они разные и не стыкуются между собой. Проблема заключается в том, как эти системы сочетать. Есть система ООН, есть система ЕС и т. д., они могут по-разному стыковаться между собой, и возникают разные эффекты. Ясно, что ни одна система не является полной и завершённой (можно вспомнить Гёделя). Ничего удивительного нет – системы есть, системность существует в разных параметрах, но она неспособна создать совершенно жёсткий порядок, который незыблем раз и навсегда. Всё меняется, и системы эволюционируют.

Возвращаясь к морфологии, к морфитическим подходам, в Центре перспективных методологий социальных и гуманитарных исследований ИНИОН РАН мы сделали интересную вещь – мы попробовали самые продвинутые научные методы соотнести с базовыми когнитивными способностями, причём не человеческими, а просто биологическими. Базовой способностью различать сигналы обладает даже инфузория-туфелька. Не различать высоту тона или яркость звука, а ещё более примитивной способностью – просто различать сигнал. После того как сигналы различены, их можно ранжировать. После того как они ранжированы – можно проводить операции с этими ранжированными сигналами, и в результате получаются вычисления, статистика. На этом основана математика – не вся, а только вычислительная математика и статистика (математика распадается на две составляющих – то, что мы называем «метритический органон» и «морфический органон»). Это очень изощрённый инструмент, но вырос он из примитивной способности различать сигналы.

Есть и другая примитивная способность, которой обладают, например, даже лягушки. Лягушка ловит летящую мимо муху. Почему

она это делает? Потому что она осуществила то, что называется *pattern recognition* – распознавание образа. Идёт много сигналов, и их можно сложить в конфигурацию. Складывание сигналов в конфигурацию – это следующая способность. Отсюда – вся морфетика, вся сравнительная политология, вся лингвистическая морфология, работа с материальными и мыслительными формами. Вы, Анатолий Михайлович, упоминали Проппа, называли его структуралистом. На самом деле он – морфолог. Он говорил о морфологии волшебной сказки, выделял универсальные формы, в которых можно любые сказки отлить. Он работал с формами, обо всём остальном он не знал – он не знал про математику, он её игнорировал. Он оставил только формы и с ними работал. Если вы хотите делать что-то качественно и научно, вы должны делать это систематически, а от всего остального отказаться.

Есть и третья способность – приписывание смысла формам и сигналам. Это, скорее, человеческая способность. И речь идёт здесь не просто о распознавании формы, а о распознавании функциональности формы. Это семиотика.

Вот эти три больших разреза. Соответственно, международные отношения можно рассматривать с точки зрения того, что они нам сигнализируют, как это сделано в «Политическом атласе современности», где мы рассмотрели только сигналы и данные статистики. Либо рассматривать с точки зрения форм – анализировать конфигурации политических, межгосударственных систем и т. д. Можно работать либо с формами, либо с сигналами. Сложить их – проблематично, но, возможно, для этого требуется сделать не одно, а несколько исследований, последовательно и параллельно их чередуя. И наконец, последнее и самое сложное – это то, что у нас принято называть качественными исследованиями. Мы называем это семиотикой.

А. М. Крестинина: Анатолий Михайлович, вы говорили, что в международных отношениях отсутствует систематизированность. Получается, что теория международных отношений – не наука? Упомянулось, что положение акторов зависит от чёткой системы и структуры. Но акторы – это же основа международных отношений? Наука ведь строится на людях. Получается, всё-таки есть система, просто она плохо организована и требует реорганизации?

М. В. Ильин: Можно я попробую ответить? Я бы хотел процитировать классиков сравнительной политологии Габриэля Алмонда и Бингхэма Пауэлла, у которых в книге «Сравнительная политология: эволюционный подход» есть такая чеканная формулировка: «политические системы состоят не из людей, а из ролей». Вы сказали «акторы», а затем тут же сказали «люди». Но люди – не акторы, а акторы – не люди. Есть, например, государства, которые есть акторы межгосударственной системы, есть члены парламента – акторы парламентской системы. А есть Иван Иванович Иванов, который может быть пасечником в одной системе, гражданином в другой и ещё кем-то – в третьей. И когда мы хотим, чтобы Иван Иванович всюду был счастлив и всюду у него был порядок – это наивное ожидание. Он может навести порядок на своей кухне и у него там будет система, но при этом у него в сарае будет полный бардак.

А. М. Кузнецов: Конечно, международные отношения – это наука, но её проблема в том, что она сравнительно поздно появилась, и отставание от других наук приводит к такому положению. Кроме того,

обращаю внимание на корректность терминов: система – это не систематизация. Систематизация – это то, что мы можем как угодно раскладывать и приводить в порядок. Система – это то, что существует по своим собственным законам.

А. М. Крестинина: Да, в международных отношениях акторы – это государства, различные правительственные и неправительственные организации. Но ведь все они идут от людей, люди управляют ими. Если бы не было людей, не было бы и акторов. Можно ли говорить, что акторы – это не люди, ведь без людей не было бы ничего?

М. В. Ильин: Я – человек, и я выступаю на данном семинаре в качестве, ну, скажем, методолога. Но я не выступаю в качестве доктора медицины. Но если бы я был и тем, и другим, то я был бы человеком, который может взять на себя обе роли. Одним из моих ранних занятий было шекспироведение. Я обычно спрашиваю студентов, почему Шекспир – самый политический писатель. Отвечают, что он писал про королей и т. д. Нет, не поэтому. Шекспир самый политический писатель, потому что он постоянно зациклен на одном вопросе – как притворяются люди, как они играют роли. У него все исполняют какие-то социальные роли. Это не означает, что когда ты исполняешь роль, ты перестаешь быть самим собой. Однако роль можно выполнять по-разному. Можно её выполнять как Макбет, великий герой, который взял на себя роль убийцы. И эта роль его уничтожила, он не смог ей сопротивляться. Личность исчезла. И закончилось это, как вы знаете – *tale full of sound and fury, signifying nothing*. А можно – как Генрих V. Он осваивает роли, ведет с себя с солдатами по-солдатски, и т. д. И он становится самым большим героем английской истории – королём, который умеет играть роли всех своих подданных. Из того, что есть проблема роли и человека, исчезает ли Макбет или Генрих V? Не исчезает, люди остаются. Но это люди, которые играют роли. Пока ты играешь роль – ты действуешь системно.

Д. В. Конончук: Михаил Васильевич, а вы или какой-то абстрактный актер могли бы играть роли, если бы до этого не был бы человеком? Может быть, мы сначала – люди, а потом уже примериваем определённые роли? Может быть, антропология – это наша исходная возможность, и когда мы играем какие-то роли, у нас всё-таки что-то от человека остаётся?

М. В. Ильин: Безусловно, от человека всегда что-то остаётся, человек шире любой роли. Но человек не есть что-то существующее независимо от ролей. Как ребенок превращается в человека? Потому что мама его поощряет делать что-то правильно. Ты так здорово улыбаешься – улыбайся! Здорово тянешь звук «аа» – тяни... И вот ребенок научается делать и одно, и другое, и третье. Осваивает роли. Это всё функции и формы. И когда, сложив формы, этот бывший ребенок оказывается способен играть в разных системах, в разных ролях, в разные игры – вот тут он и становится человеком.

А. М. Крестинина: Означает ли это, что, когда человек перестает играть роль, система рухнет? Например, на заседании в ООН люди выполняют свои роли согласно служебным обязанностям. Но когда оно закончится, они все забудут, что они занимают свои должности и системы не будет?

М. В. Ильин: А кто сказал, что все забудут? ООН существует уже 75 лет, и все прекрасно знают, что эта система и дальше будет продол-

жать существовать.

А. И. Козинец: К слову о кризисе. Прозвучала мысль о том, что наука и теория должны в том числе давать прогнозы. В каком-то смысле мы можем сказать, что, к примеру, Миршаймер ещё в 2003 г. в «Трагедии политики великих держав» прогнозировал конфликт между США и Китаем, и в 2020 г. можно сказать, что прогноз сбывается. Значит, всё работает, никакого кризиса нет. Некоторые авторы, например, Томас Кристенсен из Дании, сравнивая публикации разных лет, показывает, что кризисное состояние теории международных отношений отмечается ещё с 1980-х гг. То есть этот кризис вроде как постоянно существует, но при этом и международники есть, и студенты всё больше и больше набираются в разных университетах и разных странах. Кризис есть, но при этом есть и какая-то популярность. Что касается новых направлений для исследований, связанных с человеком, можно отметить проблематику гендера. Например, у американских авторов можно встретить критику китайских теоретиков на предмет того, есть ли место феминизму в китайских школах теории международных отношений. Есть ли там место квир-теории? В западной теории это есть и это интересный вопрос, как будет соотноситься одно с другим. Ещё лично мне кажутся очень интересными все направления, которые связаны с нейронаукой, но не возникнет ли проблем в «мире» политкорректности, в котором так или иначе находятся все ученые, связанные с тем, что авторов, которые активно говорят о различиях работы мозга, станут обвинять в некоем новом научном расизме? Насколько этические рамки тормозят развитие дисциплины? Одно дело – исследовать лягушек и птиц, совсем другое дело – затрагивать интересы людей. И когда автор публикует статью, он соотносится с тем, как это будет принято.

А. М. Кузнецов (реплика): Д. Миршаймер предсказывал и роспуск НАТО.

П. А. Цыганков: Мне кажется, мы немного отклонились от главного вопроса, который поставил Анатолий Михайлович – вопроса о нашей дисциплине, её кризисе и о том, может ли она сохраниться. Мне кажется, во-первых, что есть основания для такой постановки вопроса, а, во-вторых, есть основания задуматься, почему этот кризис возник. Первое, что в этой связи приходит в голову, – важность методов и методологии. Но не менее важно и даже краеугольно для науки – она развивается не из праздного любопытства, не из интеллектуальных усилий, не в целях саморазвития, хотя все это и очень важно. Но всё-таки, мне кажется, что наука тогда наука, и дисциплина тогда дисциплина, когда она отвечает на какие-то социальные запросы извне. В этом смысле теория международных отношений – это социальная наука. Поэтому она развивается и входит в кризис прежде всего тогда, когда развивается и входит в кризис сам социум. Кризис науки связан с тем, существует ли кризис самой реальности. Не буду говорить о том, что эта реальность может быть разная, что это может быть представление, придание смысла. С точки зрения эпистемологии всё более-менее ясно. Как нас учили в теории познания, что оно движется от ощущения к восприятию и представлению. Но в основе ощущения, восприятия и представления лежит сам объект, а объект сегодня находится в кризисе. В истории развития теории международных отношений, каждый из этапов и кризисов связан с кризисами в самом объекте. Как появился реализм? Он появился тогда, когда люди начали

осмысливать и выражать свою озабоченность по поводу того, чтобы не повторилось то бедствие, которое было связано с Первой мировой войной. Наука социальна и тесно связана с тем, что происходит в самом объекте.

Кроме того, существует фрагментарность. Она присуща не только нашей дисциплине. И в социологии, и в политологии и т. д. мы видим ту же фрагментарность и те же кризисы, которые так же, как и в самой реальности, являются точками дальнейшего развития. Есть разные пути и разные возможности дальнейшего развития науки, и это зависит и от самого объекта, и от того, как он управляется, кто на себя какие роли берет. Нужно не бояться этой фрагментарности и исходить из того, что уже достигнуто и о чём все в какой-то мере договорились. Договорились же всё о том, чтобы не абсолютизировать какую-то одну точку зрения, а основываться на том, что можно назвать методологическим эклектизмом. Каждая из точек зрения отражает какую-то одну сторону самого объекта. Если каждый будет настаивать на своём, то я буду говорить, что негосударственные акторы не влияют на мировую политику, а Марина Михайловна – что государства не влияют, и так мы никогда не сойдёмся. Но мы уже давно сошлись, потому что мы оба считаем, что государства важны, реальны и т. д., но мы видим, на примере того же Трампа, что сегодня крупнейшие компании, корпорации, информационные ресурсы во многом управляют (или не управляют, а вводят в ступор и хаос) тем, что происходит сегодня в США и не только там. И то, и другое важно. Здесь нужно определить момент и ту линию, в которой станет возможно совершить какие-то новые научные открытия.

О междисциплинарности. Она важна, но я хотел бы обратить внимание на другую сторону этого вопроса – на то, что нужно попытаться не размывать, сохранить объект и предмет науки о международных отношениях, не растаскивать их по различным дисциплинам. Это естественное стремление – попытаться использовать вклад других дисциплин, но важно, чтобы это не размывало предмет. А это происходит в тот момент, когда нам кажется, что мы уже всё знаем про международные отношения и начинаем подходить к ним при помощи самых разных дисциплин, то мы размываем объект и забываем о том, что главное. А главное – это то, что международные отношения коренным образом отличаются от немеждународных, внутриобщественных отношений. Международные роли – это роли, которые развиваются в супер-рисковой сфере. Так как есть, пусть мы это часто и критикуем, анархия и отсутствие единого управляющего центра. С другой стороны, есть иерархия. Значит, всё-таки есть система и есть стабильность. Стабильность – это качество системы. Конечно, дестабилизация может привести к разрушению системы, но тогда вместо нее придёт какое-то другое построение. И система станет существовать в каком-то новом виде, либо перестанет существовать абсолютно всё в результате ядерной войны, например.

И ещё один вопрос. Мы все внимательно следим за тем, что происходит в зарубежной науке. И там мы тоже видим некоторую растерянность, вопросы о кризисе, о том, почему не происходит новый «большой спор». Мы больше спорим по деталям, но, мне кажется, новый «большой спор» назрел и назревает именно в соотношении с тем, что происходит в самом объекте. Происходит фрагментация и системный кризис, ведущие к крушению всей картины. В чем круше-

ние всей картины выражается в теории международных отношений? Во всё большем интересе к западным, неамериканским взглядам. В том числе и к российской школе, которая слабо развивается, но должна развиваться. Это спорный тезис, но, возможно, отечественному сообществу необходимо взять паузу, сосредоточиться, может быть, временно изолироваться от того, что происходит в мировой науке и заняться тем, что интересует нас, не отбрасывая то, что создано и опираясь на это.

М. М. Лебедева: Павел Афанасьевич буквально снял с языка то, что я хотела сказать по поводу изменения объекта и того, что теория в результате этого находится в состоянии кризиса. Вопрос заключается в том, а что меняется в объекте? Что касается системности, наверное, я не согласна с Анатолием Михайловичем. Наверное, стоит говорить не «система международных отношений», а «системы в международных отношениях». Я бы хотела здесь провести аналогию с человеком: у него есть кровеносная система, пищеварительная система и т. д. Они могут конфликтовать друг с другом – человек болеет. Если мы выделим эти системы и скажем, что у нас не сопоставляется друг с другом, то мы поставим, условно говоря, диагноз современной системе международных отношений. Конечно, диагноз поставить будет сложнее, потому что систем гораздо больше, чем в организме человека, и их взаимодействие гораздо более сложное, но это тем не менее один из путей и анализа международных отношений и построения теории.

Правильно ли я поняла Михаила Васильевича? Если мы говорим о системах, то системы сопоставимы с тем, что вы назвали формами?

М. В. Ильин: Системы, безусловно, обладают конфигурациями, поэтому их удобно анализировать как формы. Но у систем есть и свои смыслы, и измеряемые параметры.

В. В. Малявин: Я лично далёк от обсуждаемой проблематики. Я один из немногих, кто идёт от погружённости в определенную языково-культурную этическую реальность, и оттуда я выкарабкиваюсь наверх. У меня нет позиции по данной теме. Я хочу лишь обратить внимание на то, что весь наш разговор, если говорить по-научному, находится в рамках западной парадигмы, он одномерен, даже в рамках закидонов в правую и левую сторону. Потому что предполагается, что знание предметно, оно логически организовано, должно быть рациональным и должно быть сведено в систему. Ничего против этого я не имею. Но занимаясь всю жизнь Востоком, должен сказать, что этого там нет. И то, что мы видим на поверхности Востока – это слабые отголоски отсутствия той самой формы, субстанции, идеи – всего того, чего просто нет в восточной мысли, вообще нет. Это любопытная вещь. Но поскольку это настолько смелый ход, то лучше этого не замечать, а искать под фонарём то, что нам понятней. Я должен всё это оставить и сделать одно маленькое замечание. Во-первых, мы забываем о феноменологической дистанции понятия. Понятия могут быть как кристаллы. И под всеми переливами смысла их невозможно зафиксировать – но, во всяком случае, мы имеем дело с этим материалом, работаем с определённого рода мыслью. Ну, вот если китайское. Понятно, что китайцы думают одно, говорят другое, а делают третье. Это нам понятно. Но почему они это делают? Есть у одного американского учёного работа «Ролевая этика китайцев». Ролевая этика для нас – это что, лицемерие или нет? Тут есть элемент лицемерия. А вот для китайцев – нет. Человек может только играть. То ли они не

люди, то ли дело в чём-то другом. Что из этого следует? Что мы должны помнить завет Ницше – истин больше нет. Есть только мнения и интерпретации. Это, конечно, очень неприятное заключение, но надо помнить об этом, потому что международные отношения – это просто привилегированная область вранья по всякому поводу. Причём, может быть, вранья системного. Об этом надо помнить. Мы должны помнить о внутренней глубине понятий, в которых они могут совершенно менять свой смысл. Поэтому разговоры о предметном смысле могут идти только вот с такой оговоркой. Мне так кажется, может быть, я и ошибаюсь, и потому не лезу в системологию международных отношений. И второе – анархия и иерархия. Оправдана ли иерархия и в каком виде? Я не услышал об этом высказываний. Что это будет означать применительно к международным отношениям? Наконец, мой главный тезис. Если говорить о системоорганизующих принципах, то всё это сводимо к одной оппозиции. Либо мы имеем систему, основанную на самоотжественности, субъектно-объектную. И тогда мы вынуждены или враньём, или насильно доказывать тождество. Может быть, я преувеличиваю, но есть такая опасность. Значит, мы либо имеем систему самоотжественности, в которой всё друг другу либо тождественно, либо противоречит. Систему принципиально нестабильную, потому что она взрывается изнутри. Она может быть выдержана только какими-то другими подсобными средствами. Насилием, пропагандой, агитацией и т. д.

Либо возможна другая система. Вот представьте себе, вместо отождествления субъекта и объекта мы в том или ином смысле убираем субъективность, доводим её до нуля, редуцируем. Что будет тогда? Тогда мы придём к той точке, где мы не сможем обосновать совпадение понятий... Вот эта самая точка всеобщего сходства и схождения и она же – несходства, неустойчивости. Я называю её совместностью. Она даёт нам совершенно другую метасистему или условие существования всех систем. Можем ли мы в такой перспективе говорить или нет. Это – перспектива, в моём понимании, глобальности. Я совершенно согласен с теми, кто говорит о необходимости видеть этот иной взгляд, совершенно иной – не просто модификация того, что нам дано на Западе. Я лично столкнулся на Западе с организованным фронтом и отторжением того, о чём я говорю. Люди не скрывают политической ангажированности. Идея «евразийской системы» вызывает какое-то ментальное отторжение. Когда указываешь на какие-то китайские вещи, говорят «вы неправильно интерпретируете, не может такого быть». Вот на это обстоятельство я хочу указать. Кризис наш – это кризис наступления глобальности, в котором западная мысль уже по определению не может работать, хотя она замечательная.

Д. В. Конончук: Владимир Вячеславович, о наших китайских делах: если мы живём в эпоху наступающей глобальности, то не будет ли эта наступающая глобальность, когда станет наступившей, так же нуждаться во вранье, пропаганде и других, что называется, скрепах для поддержания самоотжественности, но уже на уровне глобальности?

В. В. Малявин: Вы мыслите глобальность по-западному – как единый мир. А я мыслю глобальность по-другому. Это мир разный, мир миров, в котором вообще этот вопрос перестаёт существовать. Мы имеем много жизненных миров, иерархически и анархически одновременно организованных. Для меня прообразом является школа. Школа – это основа восточного социума. Школа духовной практики.

Пока её не будет, я считаю запретить надо все разговоры о системах и т. д. Сегодня говорили о людях. Так дело не в человеке, а в том, какой человек. Мы всё считаем, что мы можем придумать методичку или систему, в которую можно подставить любого. А нельзя сюда подставить никого, кроме данного лица. Тогда это будет замкнуто. И мы должны научиться жить в параллельных мирах. Не бежать к соседу, брать его за шкуру и требовать от него, чтобы он жил как я, а если он не хочет – сжечь его дом, а научиться жить в совместности. Не едиными, разными или противоположными, а в свободной совместности.

Д. В. Конончук: Я бы с удовольствием разделил вашу точку зрения, если бы речь шла о духовности сегодня. Но поскольку речь идёт о международных отношениях, я не думаю, что такое в ближайшей перспективе возможно.

А. М. Кузнецов: Выражаю огромную благодарность всем участникам дискуссии. Практически, все ведущие авторы, кто принимает участие в разработке теории международных отношений в России, приняли в ней участие, и это знаменательный факт. Дискуссия лишь обозначила сложность и многомерность проблемы. И я никоим образом не претендую, что я хочу закрыть все аспекты. Я просто вижу некоторые обстоятельства, которые я могу обсуждать. И то поле, которое Михаил Васильевич обрисовал, – оно тоже существует. И то, с чем солидарны Павел Афанасьевич и Марина Михайловна, – имеет основания. Но мы сейчас разобщены. Настал момент, когда я чувствую, что варюсь в собственном соку. Теперь я получил импульс для того, чтобы идти дальше и закончить работу, которую я потом обязательно представлю на ваш суд. Огромное всем спасибо.

Литература

1. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019. 606 с.
2. Алексеева Т. А., Лебедева М. М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. 2016. № 1. С. 29–43.
3. Аршинов В. И. Наблюдатель сложности в контексте парадигмы постнеклассической рациональности // Философия мышления. Одесса: Печатный Дом, 2013. С. 59–73.
4. Баталов Э. Я. Антропология международных отношений. М.: Аспект-Пресс, 2018. 350 с.
5. Богатуров А. Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и методологии анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 112–128.
6. Жуйчжуан Чжан, Королев А. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 96–110.
7. Коньшев В. Н., Сергунин А. А. Теория международных отношений: канун новых «великих дебатов» // Полис. 2013. № 3. С. 66–78.
8. Кузнецов А. М. Феномен С. М. Широкогорова. Судьба и наследие антрополога Российской Академии наук // Три века российской этнографии: страницы истории. Вып. 2. М.: Наука-Восточная литература, 2020. С. 71–91.
9. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв ред. В. И. Гантман. М.: Наука, 1984. 422 с.
10. Цыганков П. А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2006. 590 с.
11. Acharya A. Towards a Global IR? In International Relations Theory / S. McGlinchey, R. Walters. C. Scheinpflug (eds.). Bristol, 2017 // E-International

Relations (сайт) URL: <https://www.e-ir.info/publications> (дата обращения: 20.09.2020).

12. Armstrong D. Why is there too much international theory? // Australian Journal of Political Science. Vol. 30. (4). Issue 2. 1995. P. 356–363.

13. Ashworth L. M. Of Great Debates and the History IR: Why the “Great Debates” Story is Wrong // E-International Relations (сайт) URL: <https://www.e-ir.info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir-why-the-great-debate-story-is-wrong/> (дата обращения: 22.09.2020).

14. International Relations Theory. Discipline and Diversity. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press. 2013.

15. Maturana U., Varela F. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living // Boston Studies in the Philosophy of Science /

R. Cohen and M. Vartofsky (eds.). Vol. 42, 94. Boston: Reidel Publishing Company, 1980. 48 p.

16. Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., NY: Routledge. 2010. P. 26–50.

17. Wæver O. Still a Discipline After All These Debates? // International Relations Theory. Discipline and Diversity. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 306–328.

18. Waltz K. Theory of International Politics. Addison-Wesley Publishing Co., 1979.

19. Vendt A. Quantum Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Anatolij M. KUZNETSOV,

Ph. D. (in History), Professor, International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kuznetsov.2012@mail.ru

Mikhail V. ILYIN,

Ph. D. (in Political Science), Full Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center for Advanced Methodologies of Social and Humanitarian Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS, Moscow State Institute of International Relations (University) (Moscow, Russia).
E-mail: milyin@hse.ru

Anton A. KIREEV,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of Political Sciences, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: antalkir@yandex.ru

Andrei I. KOZINETS,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor, Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail:

Dmitriy V. KONONCHUK,

Ph. D. (in Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: kononchuk.dv@dvfu.ru

Anastasiya M. KRESTININA,

Undergraduate Student in the field of international studies, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: greinjer.stasya@yandex.ru

Marina M. LEBEDEVA,

Ph. D. (in Political Science), Full Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
E-mail: mmlebedeva@gmail.com

Artyom L. LUKIN,

Ph. D. (in Political Science), Associate Professor of International Relations Department, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: artlukin@mail.ru

Vladimir V. MALYAVIN,

Ph. D. (in History), Professor-Researcher, School of International Regional Studies, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia).
E-mail: vmalyavin@hse.ru

Andrey V. POPOVKIN,

Ph. D. (in Philosophy), Head of Philosophy Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russia).
E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Pavel A. TSYGANKOV,

Ph. D. (in Philosophy), Deputy Head of International Relations and Integration Processes Department, The Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).
E-mail: probor@bk.ru

Sergei E. YACHIN,

Ph. D. (in Philosophy), Professor, Department of Philosophy and Religion Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).
E-mail: yachin.se@dvf.u

What is the Post/Polydisciplinary Theory of International Relations?

УДК 303(327)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

On 22 October, 2020, the Department of International Relations at Far Eastern Federal University's Oriental Institute – School of Regional and International Studies, hosted an open online workshop “What is the post-disciplinary theory of international relations?” The workshop has brought together a number of leading Russian scholars in international studies and political science. The major themes of the workshop addressed the theoretical conceptualization of contemporary international relations and prospects for the future development of international relations theory. The keynote speaker at the workshop, professor at the FEFU's Department of International Relations Anatoly M. Kuznetsov, delivered a presentation on the crisis that contemporary theory of international relations has experienced over the recent years, as well as the ways to overcome this crisis. The presentation was followed by a discussion, during which the participants of the workshop reflected on the systems approach to international studies, the problems of actors and their roles in world politics, the changes in object of the study that have their impact on the development of the theoretical framework of international studies and other topics.

Publication prepared by
Valentin I. Voloshchak

For citation: Kuznetsov A. M., Ilyin M. V., Kireev A. A., Kozinets A. I., Kononchuk D. V., Krestinina A. M., Lebedeva M. M., Lukin A. L., Malyavin V. V., Popovkin A. V., Tsygankov P. A., Yachin S. A. What is the Post/Polydisciplinary Theory of International Relations? // *Oriental Institute Journal*. 2021. № 1. P. 49–68. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-1/49-68>

References

1. Alekseeva T. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij kak politicheskaya filosofiya i nauka. M.: Aspekt Press, 2019. 606 s.
2. Alekseeva T. A., Lebedeva M. M. CHto proiskhodit s teoriej mezhdunarodnykh otnoshenij // *Polis*. 2016. № 1. S. 29–43.
3. Arshinov V. I. Nablyudatel' slozhnosti v kontekste paradigmy postneklassicheskoy ratsional'nosti // *Filosofiya myshleniya*. Odessa: Pechatnyj Dom, 2013. S. 59–73.
4. Batalov E. H. Ya. Antropologiya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Aspekt-Press, 2018. 350 s.
5. Bogaturov A. D. Sistemnyj podkhod i ehvolyutsiya mezhdunarodnykh otnoshenij v KHKH veke // Bogaturov A. D., Kosolapov N. A., Khrustalev M. A. Ocherki teorii i metodologii analiza mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: NOFMO, 2002. S. 112–128.
6. ZHujchzhuan CHzhan, Korolev A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij s kitajskoj spetsifikoj: sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya. // *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2010. № 3. S. 96–110.
7. Konyshchev V. N., Sergunin A. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij: kanun novykh «velikikh debatov» // *Polis*. 2013. № 3. S. 66–78.
8. Kuznetsov A. M. Fenomen S. M. SHirokogorova. Sud'ba i nasledie antropologa Rossijskoj Akademii nauk // *Tri veka rossijskoj ehtnografii: stranitsy istorii*. Vyp. 2. M.: Nauka-Vostochnaya literatura, 2020. S. 71–91.
9. Sistema, struktura i protsess razvitiya sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij / *Otv red. V. I. Gantman*. M.: Nauka, 1984. 422 s.
10. Tsygankov P. A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenij. M.: Gardariki, 2006. 590 s.
11. Acharya A. Towards a Global IR? In *International Relations Theory / S. McGlinchey, R. Walters. C. Scheinplflug* (eds.). Bristol, 2017 // *E-International Relations (sajt)* URL: <https://www.e-ir.info/publications> (data obrashheniya: 20.09.2020).
12. Armstrong D. Why is there too much international theory? // *Australian Journal of Political Science*. Vol. 30. (4). Issue 2. 1995. P. 356–363.
13. Ashworth L. M. Of Great Debates and the History IR: Why the “Great Debates” Story is Wrong // *E-International Relations (sajt)* URL: <https://www.e-ir.info/2014/02/12/of-great-debates-and-the-history-of-ir-why-the-great-debate-story-is-wrong/> (data obrashheniya: 22.09.2020).
14. *International Relations Theory. Discipline and Diversity*. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013.
15. Maturana U., Varela F. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living // *Boston Studies in the Philosophy of Science / R. Cohen and M. Vartofsky* (eds.). Vol. 42, 94. Boston: Reidel Publishing Company, 1980. 48 r.
16. Qin Yaqing. Why is There no Chinese International Relations Theory? // *Non-Western International Relations Theory? Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. L., NY: Routledge*. 2010. P. 26–50.
17. Wæver O. Still a Discipline After All These Debates? // *International Relations Theory. Discipline and Diversity*. Third Edition / Dunne T., Kurki M., Smith S. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 306–328.
18. Waltz K. *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Co., 1979.
19. Vendt A. *Quantum Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.